

Л.И. Рюмина, Н.В. Старых, М.И. Старуш, В.В. Ученова и другие. Они интерпретируют рекламную деятельность как один из особых родов человеческой деятельности, опирающейся на производство и распространение информативно-образных, экспрессивно-суггестивных текстов, адресованных группам людей с целью пробудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку.

Между тем жизнедеятельность каждого типа общества (индивидуалистического и коллективистского) детерминирует свою форму и содержание рекламной деятельности, задает ей свои цели и функции.

«Главное и естественное свойство рекламы: быть механизмом формирования больших человеческих масс», – пишет в связи с этим Д. В. Ольшанский [7, с. 312]. При этом, согласно В.В. Никулинкову, «в зависимости от целей и конкретных задач формируются и распространяются заранее «сконструированные» образы или имиджи конкретных лиц, фирм и организаций, идей, программ, товаров и т.п., которые, как правило, неадекватно отражают реальные существенные их характеристики и таким образом дезориентируют людей» [5, с. 41].

Представленные выше материалы приводят к пониманию того, что рекламная деятельность и ее продукт могут рассматриваться в качестве манипулятивной искусственно созданной конструкции или информативного образа, адекватно отражающего свойства и характеристики рекламируемого продукта.

В заключение сформулируем следующие выводы.

Предметом рекламной деятельности выступает совокупность средств, методов и способов распространения информации в определенной сфере экономической и общественной деятельности людей с целью привлечения внимания потенциальных потребителей к объекту рекламирования с учетом типа общества.

Рекламная деятельность и ее результат (рекламный продукт) не только отражают социально-экономические процессы, но и направляют их в соответствии с целями (совершенствование общественных отношений или удовлетворение потребностей) и задачами (приоритетными направлениями развития) специфики типа общества.

Литература

1. Зазыкин В.Г. Психология в рекламе. – М.: ИНФРА-М, 1992. – 190 с.
2. Зухумов З.А. Образовательный потенциал современной рекламы // *Философия образования*. – 2007. – Вып. № 2. – С.104-109.
3. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 784 с.
4. Коломиец В. П. Легитимация социальной стратификации средствами рекламы // *Вестник Московского университета*. Сер. 18. – 1998. – №1. – С.61-70.
5. Никуленков В.В. Реклама и PR в истории политических игр. – Красноярск: Поликор, 2008. – 176 с.
6. Олейникова О.Д. Реклама как феномен неомифологического сознания // *Философия образования*. – 2002. – Вып. № 2. – С. 201-205.
7. Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.
8. Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности. – М.: Гардарики, 2002. – 272 с.

Пискорская Светлана Юрьевна, д-р филос. наук, зав. кафедрой рекламы и культурологии, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнёва, Красноярск.

Piskorskaya Svetlana Yur'evna, d-r of philosophy, head of department of advertisement and culturology, M.F. Reshetnyov State Siberian Aerocosmic University, Krasnoyarsk.

E-mail: piskorskaya1@rambler.ru

Землянская Елена Анатольевна, ст. преподаватель кафедры рекламы и культурологии, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнёва, Красноярск.

Zemlaynskaya Elena Anatol'evna, senior teacher of department of advertisement and culturology, M.F. Reshetnyov State Siberian Aerocosmic University, Krasnoyarsk.

E-mail: sky_elena@mail.ru

УДК 008

Д.В. Сергеев

СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛА И ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВОЗРОЖДЕНЧЕСКИХ» ПРОЦЕССОВ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ*

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук, проект «Кризис современной российской культуры: стратегии его преодоления в общественном сознании».

В статье рассмотрена проблема соотношения смысла и ценности с целью последующего раскрытия содержания «возрожденческих» процессов в истории культуры. Показывается динамический аспект взаимодействия – от ценности к смыслу и наоборот – и доказывается зависимость культурного смысла от ценности. Возрождение смысла, таким образом, оказывается либо реставрацией ценностей, либо их обновление в узнаваемой традиционной форме.

Ключевые слова: культурный смысл, ценности, архаизация, осовременивание, возрождение, кризис культуры.

THE CORRELATION BETWEEN SENSE AND VALUE IN THE CONTEXT OF RESEARCHES OF «RENAISSANCE» PROCESSES IN HISTORY OF CULTURE

The article deals with the problem of correlation between sense and value in order to reveal logic of «renaissance» processes in the history of culture. The author tries to demonstrate the dynamic aspect of correlation – from value to sense and vice versa – and to prove dependence of sense on value. Thus the renaissance of sense is either a restoration of values or their renovation in a well-known traditional form.

Key words: cultural sense, value, archaization, renovation, renaissance, crisis of culture.

В научной литературе вопрос о соотношении смысла и ценности поднимался многократно. Для нашего исследования это имеет принципиальное значение, поскольку позволяет глубже понять содержание «возрожденческих» процессов в культуре. Для начала мы их обозначим.

Ранее нами были выявлены три основные культурно-семантические стратегии: архайзация современности, осовременивание архаики, изобретенная архаика. Данные стратегии – реакция общества на особые исторические условия, чаще всего кризис (культурный, социальный, политический и пр. или их совпадение) [14; 15; 16; 17].

Архайзация современности – процесс возрождения культурных явлений, при котором происходит апелляция к традициям культуры, их возрождение в новых условиях. Она предполагает обращение к культурным смыслам, которые уже устарели, находятся не в актуальной памяти этноса и его культуры, а на периферии. Требуются интеллектуальные усилия по их возрождению, но в этом случае они останутся понятыми только для части общества, которая, скорее, будет представлена элитой. Для большинства они воспроизводятся как хорошо знакомое, но малопонятное действие. Главное заключается в том, что ядро – семемы реализуемых культурных смыслов – связаны с глубокой, уже забытой древностью, они статичны, инертны и не несут новационного потенциала. По нашему мнению, объяснение заключается в том, что архайзация современности обращена к внутренней стороне смысла, к плану содержания, но возрождение смысла невозможно, а точнее бесполезно, поскольку на тот момент он уже отработанный материал истории культуры. При этом воскрешаемый элемент очищается и соединяется «с творением современной мысли, которое таким образом привносится в прошлое и освещается его авторитетами» [20, 76]. Возможен вариант безотчетной тяги всего общества к архаичному наследию, воспринимаемому как правильному, поскольку им пользовались предки. В таком случае реставрируются культурные смыслы, которые по какой-то причине были вытеснены из повседневной практики, но остались в воспоминаниях как «доброе прошлое» или запомнились в бессознательных навыках культурных практик.

Совершенно другим процессом является осов-

ременивание архаики, которое тоже может быть определено как возрожденческий процесс явлений культуры, но он носит принципиально иной характер. Процесс осовременивания архаики является объективно положительным, поскольку способствует вписыванию старых форм бытования смысла в новый современный контекст, что может помочь культуре выйти на качественно новый виток развития. Это позволяет сохранить преемственность, поддерживает идентичность коллектива на разных ее уровнях (культурном, этническом, национальном, групповом, региональном и пр.), с одной стороны, но при этом позволяет вести эффективный внутри- и межкультурный диалог смыслов – с другой. Объяснение заключается в том, что процесс осовременивания архаики направлен в отличие от архайзации современности на другую сторону смысла, на план его выражения. Возрождается оболочка, форма без его культурного смысла, который все равно остался бы непонятным современникам или тянул бы их в архаичное прошлое, мешая изменяться и приспосабливаться к новым трансформировавшимся условиям. Понятным являются действие, характеристика, культурная черта, то, что узнаваемо в семиотической системе культуры как некая традиция, суеверие, обряд и т.д., и выполняются только потому, что они достались в наследство от предков. В свою очередь, возрожденная оболочка наполняется новым живым культурным смыслом. Что-то новое, которое непонятно так же, как и давно забытая старина, преподносится в старой оболочке, в хорошо понятной «терминологии».

Принципиально отличным от этих возрожденческих процессов является изобретенная архаика, которая выступает процессом архаического ренессанса на основе конструирования или фальсификации своего культурно-исторического прошлого. Это стратегия реагирования на кризис, использующая технологию «удревления культурных корней и культурных достижений своего народа» [20, 84]. Е.А. Строгонова называет «изобретаемой архаикой» процесс, который заключается в осознанном воскрешении утраченных или даже забытых элементов культуры, а затем дополнительной интерпретации переструктуризации данных элементов так, что эти элементы «приобретают уже новое качество, однако представляются традиционными» [20, 84]. Реализация данного процесса возможно благо-

даря многоуровневой структуре смысла, что позволяет пересматривать события, взятые из истории культуры, приписывая им несуществующие коннотации. Французский ученый Р. Генон считает, что в таких случаях даже прибегают к фальсификации: «Не найдя никакой подлинной традиции, на которую можно было бы опереться, доходят до того, что придумывают псевдотрадиции, которые никогда не существовали...» [22, 33]. Механизм порождения псевдоистории, который мы обозначаем как изобретенная архаика, заключается в утверждении «своего мира путем подключения интенциональных каналов», что актуализирует мнимую память [12]. Данный процесс носит негативный характер, поскольку используется как препятствие для каких-либо изменений. Однако выбор разных стратегий определяется не просто реставрацией старых культурных форм. Речь идет о глубинных процессах на уровне ценностной основы. Именно для этого нам и необходимо раскрыть принципы взаимоотношения двух фундаментальных категорий науки и философии «ценность» и «смысл».

В разных теориях ценность и смысл попеременно претендуют на статус строительного материала культуры. Анализ философских, культурологических, социологических и других исследований по данному вопросу позволяет предложить три основные модели соотношения смысла и ценности: равноправное взаимодействие (вплоть до их полного разрыва), смысл как тип ценности, ценность как тип смысла. Мы попытались проследить закономерности построения таких отношений в разных философских и научных концепциях [18], но столкнулись с определенными трудностями, поскольку необходимо привлечение значительного культурно-исторического материала, который уводит от цели, сформулированной в данной работе. Возникает необходимость рассмотреть ценности и смыслы как динамичную систему, определяемую определенной направленностью: от ценностей к смыслу и от смысла к ценностям.

От ценностей к смыслу. Рассмотрение ценности в качестве фундамента, стержня, ядра, единицы культуры, образующей ее и определяющей ее, приводит к парадоксальной мысли, что ценность делает смысл осмысленным.

В теории М.С. Кагана ценностное отношение субъекта имеет двойственную реализацию: с одной стороны, происходит «отнесение к ценности оцениваемого объекта», с другой – «его осмысление». При этом осмысление оцениваемого предстает как «необходимость ... выявления и понимания того конкретного смысла, которое данный объект имеет для тебя как субъекта» [4, 52]. В аксиологической теории М.С. Кагана смысл выступает «как способ обнаружения субъектом значения объекта для своего субъективного бытия, иными словами – как придание ценности всему, что входит в пространство культуры из мира природы» [4, 53]. В этой части мы согласны с автором, хотя кажется, что

возникает противоречие с тезисом, высказанным выше. Однако следует помнить, что человек обнаруживает значение объекта не по своей прихоти и собственной воли, но реализует ее в соответствии с правилами, традициями сообщества, к которому принадлежит и законы которого были им усвоены ранее в процессе социализации и инкультурации. Эти правила, традиции и законы, описываемые в науке общим термином «нормы», определяются господствующими в данном обществе ценностями.

Убийство человека в качестве жертвоприношения в архаическом обществе и в наши дни наделяется совершенно противоположным смыслом, поскольку одно действие определяется совершенно противоположными ценностями, а во втором случае их прямым (вольным или невольным) нарушением.

Механизм, регулирующий детерминацию смысла ценностью, был раскрыт в теории философов С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского. Они попытались «препарировать» структуру ценности как строительной единицы культуры. Социальное значение определяется ими как система связей и функций элементов культуры в контексте социальной деятельности [1, 53]. Контекст, который рассматривается исследователями как ситуация деятельности, воссоздается человеком в процессе осмысления знака, когда и происходит усвоение его социального значения. Социальные значения являются способом накопления общественного и группового опыта, который реализуется в индивидуальном сознании, и отражает степень его овладения.

Поскольку для С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского центром смысловой «кристаллизации» культуры являются нормативно-ценностные системы, то в этой теории смысл – нечто меньшее по объему и содержанию, чем ценность, которая выступает интегративной матрицей культуры. С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский рассматривают мир человека как мир ценностей, что позволяет выявить его основную характеристику: «Он полон смысла для него, то есть осмыслен и понятен» [1, 49].

Ценность выступает отражением важнейших аспектов человеческой деятельности, которая характеризуется целенаправленностью. Достижение цели предполагает производство определенных средств. И цели, и средства их достижения выступают ценностями. Включение элементов реальности в сферу целесообразной деятельности человеком порождает сложную систему ценностей. В качестве ценностей могут выступать разнообразные материальные объекты: сам человек, слова, знаки, действия, отношения и т.д., кодирующие в себе социокультурную информацию, поскольку они включены в социальные отношения и имеют определенное назначение (они сделаны, куплены, выражены, проданы, подарены и т.д.). «Это назначение, выступающее как бы внутренним свойством вещи, указывает, каким образом данная вещь реализуется в качестве элемента социальной деятель-

ности, определяет ее социальный смысл» [1, 48-49]. Система ценностей не является статичной замкнутой на себя системой, поскольку она «по своей сути есть система упорядоченных норм, тогда как последние представляют собой средства реализации ценностей» [1, 57]. В итоге исследователи приходят к пониманию культуры как упорядоченной смысловой структуры, связанной с соответствующими нормативно-ценностными системами общественной практики.

Таким образом происходит совпадение нашего представления о соотношении ценности и смысла с позицией проанализированных авторов: ценность определяет смысл и выступает залогом осмысленности ситуации в определенном ракурсе.

От смысла к ценностям. Е.Н. Трубецкой очень точно определил отношение смысла к ценности как аксиологическая индифферентность: «Мы можем говорить о хорошем, дурном или о безразличном по отношению к добру и злу “смысле” того или другого деяния или факта, – все эти изречения одинаково могут находиться в полном соответствии со словом “смысл” в широком его значении» [21, 8].

Синонимичность смысла и разума в философиях Н.О. Лосского [9], В.С. Соловьева [19] (смысл, логос, ратцон) доказывает всепроникающую силу смысла. А.Ф. Лосев показал диалектическую связь смысла и бессмыслицы: лишь только на фоне бессмыслицы смысл и может себя проявить в полной мере, бессмыслица определяет смысл [8]. Французский философ В. Декомб пошел дальше, утверждая, что бессмыслица – резерв, «из которого мы черпаем, дабы произвести смысл <...> смысл есть следствие бессмыслицы» [2]. Ж. Делез сформулировал законы и принципы функционирования смысла в форме парадоксов [3].

Таким образом, смысл автономен по отношению к ценностям. Он является конвенциональным образованием, но в отличие от ценности не произведен витальными функциями человека. Главная функция смысла – трансляция социокультурнозначимой информации. Содержание же транслируемого его не интересует. Смысл пассивен по отношению к ценности, подчиняется ее воле. Приходится согласиться с Г. Риккертом, в концепции которого смысл не сводится к ценности, но указывает на нее [11].

Но как только происходит крушение ценностной системы (что равноценно гибели культуры или переходу на качественно новую стадию ее развития), смысл высвобождается и происходит его всепоглощающая творческая активизация, граничащая с абсурдом. По этой причине кризисные времена, смуты, исторический хаос ассоциируются с обесмысливанием и абсурдизацией жизни, карнавализацией и переворачиванием ценностных систем; все меняется местами, и то, что вчера считалось добром, оборачивается злом.

В.П. Руднев в достаточно известной и часто цитируемой работе «Энциклопедический словарь культуры XX века» в статье «Чапаев и Пустота»,

посвященной анализу романа В. Пелевина, выявляет составные элементы кризиса современной России. Первый кризис – кризис исторического сознания, который начинается с 1988 года и имеет как минимум три витка в своем развитии. «Второй достаточно острый кризис, претерпеваемый современной Россией, – онтологический, или кризис реальности. Связан этот кризис со слишком быстро изменяющимися “стереотипами реальности”, которые внушаются общественному сознанию, с быстро меняющейся “картинкой мира”. Как сейчас никого в Москве не удивит видом тысячи долларов или показом голых задниц и гениталий по государственному телевидению, так вряд ли кто удивится, если ему сказать, что жизнь – это сон, или то, что он видит, – это всего лишь иллюзия. Да, никто не удивляется, потому что языковые игры и речевые действия быстрее приспосабливаются к новой идеологии, чем к ней приспосабливается сознание, которое об этом не скажет, но может отреагировать неадекватно: депрессией, агрессией или суицидом» [13, 554]. Далее, задавая вопрос об элементе, придающем духовной культуре любой нации устойчивость, В.П. Руднев дает следующий ответ: «Наличие устойчивой фольклорной традиции». Исследователь доказывает свой тезис на примере латышских дайн, представляющих собой дву- или чаще четверостишия на любую тему, которые «в отличие, например, от наших сказок, будучи очень древними, остались тем не менее для латышей актуальной культурной ценностью. А поскольку в дайнах прекрасно сохранились древние мифологические представления, то именно поэтому латышская поэзия, строящаяся в большей или меньшей мере на их осмыслении, так глубока и прекрасна» [13, 555].

В контексте этих рассуждений становится понятным, почему люди начинают цепляться за уходящее прошлое, понятное и удобное для них. Стараясь вырваться из хаоса, они обращаются к традициям, истории, архаики как средству преодоления фрустрации, способу выхода из кризиса. Но, как нами было показано, это обращение может быть разным. Возрождение культурного смысла как указания на старые ценности, а следовательно, и восстановление последних, подобно восстановлению старого механизма, не способного справиться с новой социокультурной ситуацией.

Другим примером является восстановление оболочки смысла (означающее, план выражение), которая оформляет новые ценности, адекватные переменам, но не столь травмирующие общественное и индивидуальное сознание.

В этом отношении звучит парадоксально идея А.С. Кармина подчинить ценность смыслу, сделать ее всего лишь одним из типов смысла наряду с нормой. Напомним, что он развивает информационно-семиотическую теорию культуры. Исследователь считает, что она поможет преодолеть разрыв между основными полярными подходами к анализу

культуры: деятельностным и аксеологическим. Выявляя различные формы кодирования, транслирования и присвоения информации человеком, ученый приходит к пониманию культуры как второй Вселенной, которая по своим основным характеристикам «интерсубъективна и существует в социальной реальности, будучи облечена в материальную оболочку языка слов и вещей» [6, 24]. Таким образом, культура предстает как «мир социальной информации, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств» [6, 24]. Окончательное примирение подходов дает полное основание выйти на короткое, но содержательное понимание исследуемого явления: «Культура – это мир смыслов» [6, 24]. А.С. Кармин выделяет три основных вида смыслов: знания, ценности, регулятивы.

Артефакты как предметы культуры реализуются в двух плоскостях: как реальность, существующая сама по себе, и как субъективная определенность, наделенная смыслом и значением. Всякий предмет, явление или действие обладают смыслом, который выражается в их предназначениях, функциях (денотация), а также в дополнительных значениях (коннотация). В таком случае культура выступает универсальной средой, выполняющей роль своеобразного накопителя смыслов и механизма их трансформации.

Знание или когнитивный смысл – «это информация о свойствах объекта» [7, 20]. Совокупность знаний обладает культурной определенностью, отражает уровень развития конкретного общества и актуальный этап его становления.

Ценность или ценностный смысл выступает в качестве фиксированной в человеческом сознании характеристики *отношения* объекта к человеку и наоборот. А.С. Кармин напрямую связывает ценность с удовлетворением какой-либо потребности человека. Следуя традиции отечественной культурологии, автор делит ценности на материальные и духовные. У каждого конкретного представителя культуры формируются представления о ценности, которые ученый называет «*ценностными представлениями*». «Создавая в своем воображении мысленные образы объектов, в максимальной степени удовлетворяющих их желания и потребности, люди формируют *идеалы* – образцы, эталоны ценности» [7, 21]. В логике исследования А.С. Кармина «культура предстает перед каждым отдельным человеком как *мир ценностей и идеалов*» [7, 21].

Регулятив или регулятивный смысл – «это правило или требование, в соответствии с которым люди строят свое поведение и деятельность» [7, 22]. Они являются содержательным ядром культурных норм, определяющих поведение и деятельность представителей культуры. Они же устанавливают соотношение нормы и девиации для общества. Вводя понятия «нормативная недостаточность» и «нормативная избыточность», А.С. Кармин пытается объяснить характер общей социо-

культурной ситуации. В первом случае происходит рост негативных тенденций в развитии общества: рост преступности, падение нравственности, дезорганизация общественных отношений. Во втором наблюдается стабилизация общества, соблюдается устойчивость общественного порядка, но в то же время ограничивается свобода, инициативность и творческая деятельность. И то, и другое состояние пагубно сказывается на социальном прогрессе. В чем-то это можно рассмотреть как попытку придать осмысленность самой социокультурной ситуации, в которой находится автор. Вольно или невольно исследователь компенсирует ощущение десемантизации реальности выстраиванием «терапевтической» теории культуры, где происходит переворачивание понимания зависимости смысла от ценности. При этом ученый не замечает определенных трудностей, которые возникают в его концепции. Прежде всего ценность, норма и знание становятся явлениями одного порядка, упускается, что ценность детерминирует нормы, и она же позволяет выработать определенные рецепты и модели использования знания.

Знаниями об эффективности финансовых операций обладали как итальянские банкиры, так и еврейские финансисты, проживавшие в одном средневековом городе. Но для первых такие сделки есть грех, для других – обычный источник доходов, поскольку эти знания определяются разными культурами, т.е. разными ценностными системами.

Таким образом, было показано, что «возрожденные» процессы являются не просто реконструкцией или восстановлением культурных символов и смыслов. Это процесс, который в зависимости от выбранной стратегии либо возрождает старые, неэффективные ценностные системы, либо являет новые в оболочке старых культурных смыслов, становящихся, в таком случае, хорошо понятными и легко узнаваемыми.

Литература

1. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
2. Декомб В. Современная французская философия. – М.: Весь Мир, 2000. – 344 с.
3. Делез Ж. Логика смысла. – Екатеринбург: Раритет, 1998. – 480 с.
4. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
5. Кармин А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 52-60.
6. Кармин А.С. На путях к теории культуры // Личность. Культура. Общество. – 2007. – 1 (35). – С. 11-27.
7. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. – СПб.: Питер, 2007. – 464 с.
8. Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
9. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Высшая школа, 1991. – 559 с.
10. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Респуб-

лика, 1999. – 408 с.

11. Риккерт Г. Философия жизни. – М.: АСТ, 2000. – 240 с.
12. Руднев В.П. Как был сделан «Винни Пух» // Милн А.А. Дом в медвежьем углу. – Режим доступа: http://www.winnieooshonarod.ru/rudnev_sem.html.
13. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2001. – 608 с.
14. Сергеев Д.В. К вопросу о прогностической функции культуры // Вестник ЗабГГПУ. Сер. II. Философия. Культурология. Социология. Психология. – Чита: Изд-во Забайкал. гос. гум.-пед. ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 67.
15. Сергеев Д.В. Процессы архаизации и осовременивания в истории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология, культурология. – Улан-Удэ, 2007. – Вып. 11. – С.234-240.
16. Сергеев Д.В. Смысловые процессы в истории культуры // Гуманитарный вектор. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2007. – № 1 (12). – С. 91-102.
17. Сергеев Д.В. Онтология культурного смысла. – Новосибирск: Наука, 2009. – 167 с.
18. Сергеев Д.В. Проблема соотношения смысла и ценностей: культурологический подход // Ценности и оценки:

проблемы философии и науки: сб. науч. ст. – Смоленск: Универсум, 2009. – Вып. 5. – С. 232- 240.

19. Соловьев В.С. Избранные произведения. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 544 с.
20. Строгонова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х гг. XX в. Республика Бурятия). – М.; Иркутск: Наталис, 2001. – 150 с.
21. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: АСТ, 2003. – 396 с.
22. Guénon R. La crise du monde moderne. – Paris: Gallimard, 1964. – 138 p.

Сергеев Дмитрий Валентинович, канд. культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры, декан факультета художественного образования Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского

Sergeev Dmitriy Valentinovich, cand. of culturology, assistant professor of department of theory and history of culture, dean of faculty of artistic education of N.G. Chernyshevsky Zabaikalskiy State and Pedagogical University, Chita.

E-mail: dvsergeev@inbox.ru

УДК 008:739(571.54)

О.В. Старова

КУЛЬТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ МЕТАЛЛА В ЭПОХУ ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ И РАННИХ ГОСУДАРСТВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В статье рассмотрено искусство художественной обработки металла как составная часть духовной и в значительной степени материальной культуры хунну, Первого и Второго тюркских каганатов, Уйгурского каганата и курыкан. Проанализирован скифо-сибирский звериный стиль, воплотившийся в металле, чаще в бронзовых (зачастую покрытых позолотой) украшениях.

Ключевые слова: культура, традиции, художественная обработка металла.

О. В. Starova

CULTURE OF ARTISTIC TREATMENT OF METAL IN THE EPOCH OF UNIONS ALLIANCES AND FORMER STATES OF ZABAİKALİE

In the article the art of artistic treatment of metal as a component part of spiritual and, largely financial culture of hunnu, the First and Second Tyurgskih kaganats, Uyurskogo kadanat and kurykan is considered. Scythian feral style, incarnated in metal, more frequently in bronze (covered with gilt) decorations is analysed.

Key words: culture, traditions, artistic treatment metal.

В культуре любого этноса приоритетной является духовная культура, которая включает в себя традиции, быт, обычаи, все складывающиеся у определенного этноса отношения как внутри, так и вне него, в частности с другими этносами. Духовная культура порождает культуру материальную, одним из аспектов последней является художественная обработка металла как узкоспециализированный вид искусства. Таким образом, искусство обработки металла составная часть художественной культуры. Ее особенность в том, что она принадлежит и к духовной, и в значительной мере к материальной культуре, т.к. изделия народных мастеров функционировали в жизни и быте народа, украшали его, отвечая культурным потребностям и запросам людей, стремлению к прекрасному.

Духовная культура хунну (III в. до н.э. – I в. н.э.) немыслима без религиозных воззрений. Неоспоримым является общепринятое мнение о преобладании у хунну шаманистских культов, то есть язычество с поклонением духам предков, земле, солнцу, луне, небу и другим божествам. О распространении культов солнца и луны среди хуннов свидетельствует найденная в одной из могил в Арахангайском аймаке тонкая золотая пластина с изображением солнца и луны. Она была прибита у изголовья гроба. Такая же пластина найдена в могильнике в Ильмовой пади [14]. Небо было верховным божеством у хунну, хуннские предания о «небесном волке» - прародителе придавали ему сакральный характер и стали основой культовых действий, практиковавшихся в храмах, в том числе